

Нью Цзицзун из поместья герцога Чэньгэ в прошлом был грозным полководцем под началом покойного Жунго-гуна. На четвертый год правления Юнъань он принял командование лагерем Фэнтай, и с тех пор прошло ровно двенадцать лет.

Раз уж противник продемонстрировал такой настрой...

Если бы он действительно приказал убить этих троих, это было бы еще куда ни шло. Но тогда он проявил бы крайнюю бестактность.

Нынешний Особняк Жунго — уже совсем не то место, каким оно было при жизни Цзя Дайшаня; былой уверенности в собственных силах у них больше не осталось.

Цзя Чжипо немного подумал, подошел к главному креслу в зале и сел.

— Вы трое, встаньте. Я хочу кое о чем спросить.

Трое солдат подняли головы, бросили взгляд на управляющего поместьем герцога Чэньгэ и, заметив его кивок, поднялись на ноги.

— Отвечайте честно на вопросы наследного сына, — добавил управляющий Нью Ань сухим тоном.

Цзя Чжипо тоже не стал церемониться:

— Кто-нибудь, объясните мне, что тогда произошло?

Один из высоких солдат шагнул вперед.

— Сегодня днем по приказу великого генерала мы выехали из города в лагерь, чтобы передать документы об учениях. Когда добрались до Южных ворот, путь нам преградила карета вашей почтенной семьи. Мы несколько раз окликали их, но изнутри никто не ответил, а карета вдруг резко остановилась. Я не успел затормозить и врезался в нее.

Выслушав его, Цзя Чжипо слегка кивнул.

Перед тем как прийти сюда, он расспрашивал кучера Цзя Шэ, и рассказ солдата в целом совпадал с услышанным. Разве что кучер, разумеется, наотрез отказывался признавать, что слышал чьи-то крики.

Но, судя по тому, насколько хорошо Цзя Чжипо знал Цзя Шэ и того кучера, слова солдаты были правдой по меньшей мере на девять десятых.

Самое же главное заключалось в том, что —

и Цзя Шэ, и кучер были мертвецки пьяны.

Цзя Чжипо тяжело вздохнул.

Сами небеса не желают помогать. План придется менять.

— Раз уж мой почтенный отец перегородил дорогу армейскому приказу и чуть было не сорвал дело, значит, эти братья ни в чем не виноваты. Забирай их и возвращайся.

Нью Ань остолбенел.

Он никак не ожидал такого исхода.

Перед отправлением великий генерал действительно говорил, что если клан Цзя умен, то не станет преследовать их. Но он же обронил и другую фразу: у клана Цзя нет умных людей.

Теперь же казалось, что кое-кто умный у них все-таки нашлся.

— Что? Ты их отпускаешь?

Едва вернувшись во Внутренний двор Двора Восточной линии и услышав, что Цзя Чжипо отпустил и управляющего поместьем герцога Чэньгэ, и тех солдат, госпожа Син испуганно взвизгнула.

Только что она сидела у погребальной таблички Цзя Шэ и плакала, но в этот миг резко вскочила, и лицо ее полностью изменилось.

Происхождением госпожа Син была небогата, и если ей удалось связаться с отпрыском столь знатного рода, как Цзя Шэ, то обязана она была этим далеко не одной лишь смазливой мордашке. Ума ей хватало, но кругозор все же оставался узким.

Стоило Цзя Шэ испустить дух, как она потеряла голову. А услышав, что Цзя Чжипо не собирается даже преследовать убийц, она тут же взорвалась.

— Второй господин Лянь, пусть старший господин при жизни и был с вами несколько суров, но ведь всё это ради вашего же блага! Как ни крути, а он — ваш родной отец, и для мертвых нет ничего важнее их посмертного покоя! Как вы могли —

— Довольно.

Слова Цзя Му оборвали ее на полуслове. В глазах старой госпожи Цзя Чжипо был старшим внуком Особняка Жунго, и его вес значил куда больше, чем вес бездетной вдовы-второй жены госпожи Син.

К тому же Цзя Му провела полжизни в официальных кругах бок о бок с покойным Жунго-гуном, и все расклады понимала кристально ясно. Проступок тех посыльных, если мерить по меркам простолюдинов, тянул на смертную казнь, и обезглавливание не было бы несправедливостью. Но спасло их лишь то, что за спиной Цзя Шэ стоял титул.

И все же она подала голос:

— Лянь-эр, раз уж дело касается старшего господина... отпустил, так отпустил. Но хоть смертной казни можно избежать, телесного наказания не миновать. По меньшей мере их нужно избить до полусмерти и вытолкать взашей, иначе куда мы денем лицо нашего Особняка Жунго?

Цзя Чжэн ничего не сказал, но в его глазах отчетливо читалось недовольство.

Уголки ртов Цзя Чжипо дернулись в горькой улыбке:

— Старая предводительница, будь жив наш предок Жунго, не то что избить — вздумай он хоть сейчас порубить этих людишек на куски, никто бы и пискнуть не посмел. А Нью Цзицзун, пожалуй, сам бы привез сюда три головы и явился с личными извинениями.

Он немного помолчал и понизил голос:

— Но сейчас всё иначе. Старая предводительница, старшая матушка, второй дядя. У нашего Особняка Жунго больше нет прежнего веса.

Полномочные аристократы, держащие в руках реальную власть в лагере Фэнтай, министры Военного совета — кто такой Нью Цзицзун? Он отправил своего доверенного человека Нью Аня лично проверить это дело лишь для того, чтобы дать нам возможность сохранить лицо. Человек уже проявил уважение к покойному Жунго-гуну, и если мы продолжим упрямяться и вести себя неподобающе, то окончательно зайдем в тупик.

При этих словах лица Цзя Му и остальных переменялись.

Они привыкли смотреть на всех свысока и вмиг переварить эту суровую реальность не могли. Но возразить им было нечем, оставалось лишь тяжело вздохнуть. В главной комнате воцарилась такая тишина, что было слышно собственное сердцебиение.

Цзя Чжэн долго размышлял, а затем заговорил:

— Матушка, как бы то ни было, дело уже сделано. Похороны старшего брата все равно нужно проводить.

Цзя Му кивнула:

— Все верно. Лянь-эр еще молод, занимайся этим ты.

У Цзя Чжипо дернулось веко, но он тут же взял себя в руки. Пока Ван Сифэн еще не открыла рот, он торопливо подхватил:

— Старая матушка права. На душе у меня сейчас такой кавардак, что ни до чего нет дела. Все хлопоты целиком и полностью на втором дяде.

Цзя Чжэня, если выражаться мягко, можно было назвать простодушным, а если прямо — наивным.

В свое время Цзя Дайшань давно уже раскусил одну истину: оба его сына никуда не годятся. Закончив воевать, он собирался вернуться домой и как следует заняться их воспитанием, но чем дольше смотрел, тем холоднее становилось у него на сердце. Спустя несколько лет он окончательно разочаровался и под предлогом поправки здоровья переехал из Зала Жунцин во Двор Грушевых Ароматов, да так до самой смерти туда и не вернулся.

Если говорить начистоту — с глаз долой, из сердца вон.

Смерть Жунго-гуна побудила Цзя Му привязать Цзя Чжэна к своему боку. И вот теперь, когда тому уже почти исполнилось пятьдесят, этот человек оставался все таким же упрямым, ни на секунду не задумавшись о том, какие скрытые мотивы стоят за решением матери поручить ему похороны Цзя Шэ.

Сам он думать не желал — зато за него думали другие.

Во дворе Цзя Чжипо Ван Сифэн переодевала мужа в траурные одежды и попутно не упускала случая поязвить:

— Какая муха укусила старую матушку? Похороны старшего господина по всем правилам должен устраивать вы — законный старший наследник Особняка Жунго, прямой обладатель титула! С какой стати это перекладывают на второго господина? Уж не умом ли она тронулась на старости лет?

Цзя Чжипо холодно усмехнулся.

Умом тронулась? Да она хитра донельзя.

Она, скорее всего, хочет использовать эти похороны как проверку — посмотреть на реакцию старых родственников, близких друзей и императорского двора. И если никто не подаст голос, то следующим шагом она начнет вынашивать планы по переходу титула к Второму дому.

Впрочем, сам Цзя Чжипо не придавал этому особого значения.

Хотя в настоящий момент его приготовления не назвать безупречными, моральное превосходство уже у него в руках. Если старая госпожа рассчитывает переломить ход игры с помощью столь грязных и тайных интриг, она слишком недооценивает его — и слишком недооценивает тех, кто пристально следит за кланом Цзя.

В Императорском городе, во Дворце Дамин, в кабинете Зала Цзычэнь.

Нынешний Сын Неба, Император Лончжэн, которому едва перевалило за тридцать, склонился над докладами.

Шел двенадцатый год правления Юнъань. Если подумать, звучало это весьма иронично. В те времена, когда Верховный Император еще был наследником, он неотступно следовал за Святым Предком, обладая первоклассными навыками интриг и тонким расчетом. Не прошло и нескольких лет после его восшествия на престол, как Военный совет оказался накрепко зажат в его кулаке, а миллионная армия Великого Чжэня беспрекословно подчинялась приказам из Дворца Цзюхуа.

К сожалению, здоровье его подвело, из-за чего контроль над Великим секретариатом значительно ослаб. Пагубная страсть к созданию коррупционных клик и преследованию личных интересов при дворе, укоренившаяся еще в закатные годы правления Святого Предка, в эпоху Юнъань расцвела пышным цветом. Чиновники как в столице, так и на местах обнаглели настолько, что открыто занимали деньги из государственной казны.

Стоило Императору Лончжэну взойти на престол на первый год своего правления, как он обнаружил: казна, в которой по всем расчетам должно было оставаться не менее десяти миллионов лян серебра, оказалась подчистую исчерпана чужими займами.

Разве это дело? Лончжэн тогда вознамерился нанести жестокий удар и взыскать все растраты. Но стоило ему лишь начать, как его тут же осадили из Дворца Цзюхуа. Верховный Император тяжело болел и не выносил вида крови и междоусобиц.

Императору пришлось подавить собственную жажду убийства и скрепя сердце искать любые возможные источники пополнения казны. Он тешил себя надеждой, что при таком состоянии здоровья Верховный Император вряд ли протянет долго.

Кто бы мог подумать, что освобожденный от бремени государственных дел Верховный Император неожиданно пойдет на поправку. За четыре года его тело день ото дня становилось всё крепче.

Разве не абсурд?

Обретя былое здоровье, Верховный Император вновь начал принимать министров и вмешиваться в государственные дела, отчего положение Императора Лончжэна становилось все более неловким.

К счастью, за эти годы он сумел сплотить вокруг себя несколько верных людей. Власть его по-прежнему была сильно урезана, но осведомители работали исправно.

— Ваше Величество, ЧП.

Су Чэн, евнух, ведавший тайной стражей императора, вбежал в комнату быстрым семенящим шагом.

Брови Императора Лончжэна сошлись на переносице.

С самого своего бытность принцем этот государь славился бесчувственностью и холодным нравом. Даруя ему титул «Хэ» в молодости, Верховный Император надеялся привить сыну чуточку гибкости и житейской мудрости. Однако за годы на троне Император Лончжэн стал походить скорее на обнаженный клинок.

Су Чэн был человеком в годах, следовавшим за императором еще со времен его удельного княжества, а потому прекрасно знал повадки своего господина. Не дожидаясь вопросов, он торопливо выложил всё как на духу.

Агенты, внедренные в Особняк Жунго, только что передали новость: Цзя Шэ, первый генерал и глава Особняка Жунго, испустил дух.

Император Лончжэн было приоткрыл рот, собираясь отдать приказ, но слова застряли в горле, и он замер на месте.

В Зале Цзычэнь воцарилась такая тишина, что было слышно дыхание. Лишь когда у дверей раздался голос младшего евнуха:

— Император, старейшина Чэнь просит об аудиенции.

— Пусть войдет.

Император Лончжэн прищурил узкие глаза, в которых читались глубокие раздумья. Он прекрасно знал нрав своего учителя. Но сегодняшнее известие...

Чэнь Мэнлэй опустил полу халата и рухнул на колени, проговорив зычным голосом:

— Старый слуга приветствует Ваше Величество, да здравствует мой император на веки вечные.

Он барахтался в политических кругах тридцать лет, служа трем поколениям императоров, и в придворном этикете не допускал ни единой оплошности.

Именно это чувство меры позволяло ему оставаться на плаву при любой смене власти. Какой бы высокой ни была занимаемая им должность и сколь бы щедрыми — императорские милости, он никогда не терял головы и не переступал черту. Об этом Император Лончжэн знал лучше кого бы то ни было.

— Учитель, поднимайтесь. Я уже говорил: вы обладаете преклонными годами и великими заслугами, и даже при прежних правителях к вам не относились как к рядовому чиновнику, а уж при мне и вовсе не стоит соблюдать эти пустые формальности. К тому же вы — мой самый настоящий наставник.

На застывшем лице Императора Лончжэна впервые проступило едва заметное тепло. Он прекрасно понимал: весь двор пестрит стариками времен Юнъань, и если бы не поддержка учителя Чэня, его царствование выглядело бы еще более жалким.

— Правила государственного устройства и верноподданнический долг — величайший закон, и я не смею проявлять небрежность.

Чэнь Мэнлэй медленно поднялся на ноги. Младший евнух уже подтащил мягкий табурет, и министр, не ломая комедию, сразу же сел.

Ноги его плохо слушались, и долго стоять он не мог. Даже отправляясь во Дворец Цзюхуа к Верховному Императору, он пользовался той же привилегией.

Император Лончжэн бросил взгляд на лежавшие на столе доклады и, почувствовав внутренний порыв, спросил:

— Учитель пришел ко мне по делу?

Чэнь Мэнлэй извлек из рукава несколько меморандумов и откашлялся:

— Ваше Величество, у старого слуги есть два вопроса, требующих вашего решения.

Первое: пятый год правления Юнъань — год внеочередных столичных экзаменов, и по правилам подготовку нужно начинать уже сейчас. Кандидатуру главного распорядителя предстоит утвердить вам.

Второе: делегация послов из Государства Сяньсян уже перешла реку Янцзы, и регламент их приема также требует вашего высочайшего указания.

Закончив говорить, Чэнь Мэнлэй умолк.

Император Лончжэн немного подождал и спросил:

— И это все?

Чэнь Мэнлэй опешил. Реакция императора сегодня выглядела странной.

Заметив его кивок, Император Лончжэн всё понял: учитель Чэнь по-прежнему прибывал в неведении относительно грандиозного скандала, разразившегося в клане Цзя.

— Учитель, судя по всему, еще не в курсе. Ваш зять, старший сын Жунго-гуна, первый генерал Цзя Шэ... умер.

Чэнь Мэнлэй оцепенел.

С самого раннего утра он вошел во дворец, заступил на дежурство в Великом секретариате, надеясь побыстрее покончить с текущими делами, чтобы вернуться домой и заняться подготовкой к занятиям. К успехам своего внука в учебе он относился с величайшим усердием.

Едва разобравшись с основными делами и доложив государю обо всем, что требовало высочайшего утверждения, он уже собирался откланяться — как вдруг император бросил в него подобную бомбу.

<http://bllate.org/book/19342/1891424>